
Константин КОМАРОВ

* * *

Так заливает в мертвом джеме
ко всем оглохшая душа.
Дождей джедаи и диджеи
июль осенний потрошат.

Я в нем случайно оказался,
пройдя сомнительный отбор,
ни от чего не отказался,
отправив совесть на аборт.

Здесь солнце долго не кончает
кислотный выдавать паек,
и хлорист здесь, как крики чаек,
питья рыхлистого чаек.

Здесь в плесени усталых песен,
чей ритм навсегда протух,
в пустотном и постыдном сексе
скакает одинокий дух.

И вдаль развернутые степи
осваивают до нуля
здесь посетители постелей
и прочие писателя.

Под гнетом лужанья и лязга
растет в мозгу сухой нарыв.
Ржавеет детская коляска,
и наступает перерыв.

Мне не нужна чужая ласка.
Я собираюсь на прорыв...

* * *

В доме пахнет горячей водой,
у которой есть выход и вход.
Пальцы пахнут тобой, но не той,
потому что и сам я — не тот.

Константин Маркович Комаров родился в 1988 году в Свердловске. Поэт, литературный критик, литературовед. Кандидат филологических наук. Стихи публиковались в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Дети Ра», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Сибирские огни», «День и ночь» «Вещь» и др. Финалист премии «Лицей» (2018). Автор нескольких книг стихов. Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живет и работает в Екатеринбурге.

Тяжело выдыхает земля,
зимний голос ее нездоров,
мутно движутся пыли поля
по конвейеру серых ковров.

И сегодня седеет, как ртуть
протопившего сердца пера.
И заезжен заснеженный путь,
что уводит тебя во вчера.

Но пустеет волшебный колчан
снов, направленных в злую зарю.
Я еще говорить не кончал,
но уже говорю, говорю...

И приметив в окно примитив
безлюбобной свердловской зимы,
отпускаю тебя в коллектив —
растворять в чуждом «я» наше «мы»,

ибо дальше уже не продлю
этот стихший до вечера стих.
Только ветви рисуют петлю
на деревьях, уставших от них.

Я тебя не люблю, но люблю.

* * *

Протянулся размякшим тюленем
мой туннельный и уксусный сон,
где, к твоим прижимаясь коленям,
я в тебя в лобовую влюблен.

Этот сон пробужденье боится —
провокатор проекций былых,
но рассвет вечно пахнет больницей,
больно бьет санитаром — под дых.

Ну а мне, между прочим, за тридцать,
обостриться грозит всякий миг,
с каждым днем тяжелее бодриться
и настойчивый сдерживать крик.

Все грозней выжиданье момента —
голевого — у адских ворот,
все активней фейсбучная лента —
коллективный базлающий рот.

В общем, как-то все слишком фатально,
до последних гнилых потрохов,
и витальности тлеют фонтаны,
и тускнеют фотоны стихов.

И нервишки сложив, как сардины,
в захламленный телесный сераль,
я алкаю сплошной середины,
серым жажду быть, как сарай.

Не исцелится эта разлука,
но иззябшим январским чижом
в горле колетса колокол звука,
соловьиным сословьям чужой.

И рубя себя в разных кроватцах,
я надеюсь — сегодня и впредь —
лишь столкнуться с тобой, столкнуться
и на новую жизнь отвердеть.

* * *

Они ожидают за дверью —
закрытою — клетки грудной.
Приятно в забавы забвенья
впасть, памяти дав выходной.

Приятно порою вечерней,
слепой пропилив пропилен,
в воздушное впасть в заточенье,
в зачатъя словесного плен.

Сегодня я лишь перевозчик
нетрезвых танцующих слов,
с немых языков переводчик —
для светлых и звонких голов.

Да будет мой путь не линеен
под сводом небесной брони.
Да будет та ночь подлиннее
и подлинней серые дни.

Выкручивай, голос, греми там,
расшаркивай скромный талант.
Да будет последним гранитом
тебе этот странный гарант!

* * *

Не хлопать — хлопотать
над каждой буквой, строчкой,
забыть отца и мать,
остаться одиночкой.

Отринь земной уют,
суровой рифмы воин.
Здесь больше не поют.
Нет, не поют, а воют.

Но в индексы весны,
и осени, и лета
навек внесены
дыхания поэта.

Три душу, сердце трать
и успевай под снегом
бессмертно помирать,
чтоб помириться с небом.

* * *

Марочная морока,
кислая благодать.
Надо свалить в Марокко
и апельсин глодать.

С «ними» ты или с «нами» —
в барчик не лезь, барчук,
не увлекайся снами,
чтобы уснуть без мук.

В тридцать трудней, чем в двадцать,
деву вести в кровать,
весело целоваться,
радостно гулевать...

Раньше хотел величья,
пыжился, будто хряк.
Ну а теперь наличье —
это уже ништяк.

Утро засветит пудрой
бледность моих седин,
словно вискарь премудрый,
как салтыковщедрин.

* * *

Все дни мои прострочены
одним глухим стежком,
и пахнет смерть просроченным
стиральным порошком.

Спят молча, как соления,
звонки былых подруг,
и смысла отслоение
не замечает звук.

Как будто в планетарии
Сатурном левым стал.
Кружусь, как пролетарии,
что видят капитал.

И совесть отвердевшая
застыла навсегда.
Живу, как отвертевший
от Страшного суда.

И все грехи прощаются
(привет, большой приват),
и вид мой поощряется
(хоть малость кривоват).

Мечу тузы козырные
в ограбленном стишке,
и, как мячи корзинные,
лежат слова в башке.

Но сварен кофе утренний,
и света до фи́га,
и в мир всплывает внутренний
пиро́га пирога́.

И я еще не выдворен
в последний свой рыдван,
пока у горла — бритвою —
несметных строк братва...